

Содержание

ISSN 2587-8190

Ольга Докучаева. Мотив ограниченного знания в Стихе о Голубиной книге и в «Луцидариусе»	245
Дарья Трушина. «Родословная» сатира в «Недоросле» Д. И. Фонвизина и ее традиция в европейской литературе	256
Екатерина Лямина, Наталья Самовер. «Первые и последние стихи французские». Крылов — читатель маркиза де Кюстина.....	269
Анастасия Рожкова. Фольклорный и реальный комментарии к стихотворениям на былинные сюжеты А. К. Толстого «Змей Тугарин», «Илья Муромец» и «Алеша Попович»	281
Ольга Макаревич. Эффект бабочки, или Об одном сравнении в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	293
Ангелина Балабаева. Личность и поэзия А. С. Пушкина в контексте литературно-критических работ Вл. С. Соловьева о русской поэзии	312
Анастасия Полумордвинова. Образ Сверхчеловека в творчестве В. Я. Брюсова: От гениальности к сумасшествию. <i>На материале ранней прозы и романа «Огненный ангел»</i>	330
Дмитрий Цыганов. Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х — начала 1950-х годов. <i>Институциональный контекст формирования соцреалистического канона</i>	347
Евгения Ковалева. Петербургский текст в лирике Виктора Кривулина 1960-х годов	371
Екатерина Буханова. Элементы рецепции античных менипшей в повести А. Битова «Ожидание обезьян»	388
Указатель имен	409
Содержание семнадцатого тома	425

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),

А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.

Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2021 XVIII (3-4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2021 (3-4)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лапо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Издано с использованием гранта Президента Российской Федерации,
предоставленного Фондом президентских грантов.

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021
© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Olga Dokuchaeva. The motive of limited knowledge in The Poem about Golubinaja kniga and <i>Lucidarius</i>	245
Darya Trushina. Pedigree satire in The Minor by D. I. Fonvizin and its tradition in European literature	256
Ekaterina Lyamina, Natalia Samover. <i>First and last French verses.</i> Ivan Krylov reads Marquis de Custine	269
Anastasia Rozhkova. Folklore and real comments on the poems on the epic plots by A. K. Tolstoy <i>The Serpent Tugarin, Ilya Muromets</i> and <i>Alyosha Popovich</i>	281
Olga Makarevich. The butterfly effect, or About one comparison in I. A. Goncharov's novel <i>The precipice</i>	293
Angelina Balabaeva. Alexander Pushkin and his poems in the context of Vl. Solovyov's literary criticism about Russian poetry	312
Anastasia Polumordvinova. The image of the Superman in the work of V. Ya. Bryusov: <i>From genius to madness</i> (Based on the material of early prose and the novel <i>The Fiery Angel</i>)	330
Dmitry Tsyganov. Stalin's Prize in the system of the literary process in 1940s — early 1950s. <i>The formation of the socialist realist canon in the institutional context</i>	347
Evgeniya Kovaleva. The St. Petersburg text in the poetry of Viktor Krivulin of the 1960s	371
Ekaterina Bukhanova. Elements of the reception of the ancient <i>menippeas</i> in the novel by A. Bitov <i>The Monkey Link</i>	388
Index	409
Content of the volume	425

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ЕВГЕНИЯ КОВАЛЕВА
(Санкт-Петербург)

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ В ЛИРИКЕ ВИКТОРА КРИВУЛИНА 1960-х ГОДОВ

Статья посвящена особенностям Петербургского/Ленинградского текста в поэзии В. Б. Кривулина. В фокусе исследования — 22 стихотворения (в т. ч., 12 неопубликованных) Кривулина 1960-х годов. Особое внимание уделяется способам языкового кодирования городского текста и механизмам трансформации устойчивых субстратных элементов внутри художественной картины мира автора.

Ключевые слова: В. Б. Кривулин, Петербургский текст, мифопоэтика, языковой код города.

Информация об авторе: Евгения Николаевна Ковалева, студент Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ievghieniia.kovaliova.2000@mail.ru

The St. Petersburg text in the poetry of Viktor Krivulin of the 1960s

The article is devoted to the peculiarities of the St. Petersburg / Leningrad text in the poetry of Viktor Krivulin. The focus of the present study is directed to 22 poems (including 12 unpublished) by Krivulin written in the 1960s. Special attention is paid to the methods of language coding of the urban text and the mechanisms of transformation of stable substrate elements within the artistic picture of the author's world.

Key words: V. B. Krivulin, St. Petersburg text, mythopoetics, language code of the city.

About the author: Evgeniya Kovaleva, student St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia.

E-mail: ievghieniia.kovaliova.2000@mail.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-3-4-371-387

Поэт Виктор Кривулин — одна из ключевых фигур ленинградского андеграунда. На фоне повышающегося интереса к явлению неофициальной культуры Ленинграда

1950-х–1980-х годов возросла степень изученности жизни и творчества этого автора. Современные материалы о Кривулине представляют собой как мемуарные записи современников, лично знакомых с поэтом, так и исследования историко- и теоретико-литературного характера. К их числу можно отнести работы Б. И. Иванова («Виктор Кривулин — поэт российского Ренессанса (1944–2001)», «„Одиннадцать строк“, которые взорвали „культурологический проект“ Виктора Кривулина» и др.), М. Саббатини («„Последний Кривулин“: Поэтика семидесятника на грани постмодерна»), Л. В. Зубовой («Виктор Кривулин: свобода в тесноте стихового ряда»). Вместе с тем тема города в творчестве Кривулина в целом и творчестве 1960-х годов в частности до сих пор практически не изучалась. Между тем именно его принято считать одним из самых «петербургских» с точки зрения ретрансляции культурного опыта поэтов ленинградского андеграунда. О сознательности внутренней преемственности петербургской идее русской литературы говорит, в частности, тот факт, что в середине 1990-х годов Кривулин выступил одним из авторов-составителей антологии «Поздние петербуржцы», куда вошли произведения авторов, которые, по замечанию А. Ю. Арьева, предпочли советской «культуру канувшего „серебряного века“ а также ее абсурдистскую рецепцию, каковой было ленинградское обэриутство 30-х годов».¹

Причин, по которым петербургская составляющая поэтики раннего творчества не исследовалась, может быть названо несколько. Первая состоит в том, что творчество поэта традиционно рассматривается в контексте эпохи 1970-х годов, где ему отводится роль «автора „культурного проекта“ неподцензурного литературного поколения».² Такой подход подкрепляется манифестацией принадлежности к культуре «семидесятничества» и со стороны самого поэта. «Условно говоря, я „семидесятник“»,³ — пишет Кривулин в автобиографической книге эссе «Охота на мамонта».

¹ Арьев А. Ю. Свидание после развода // Новый мир. 1996. № 1. С. 221.

² Иванов Б. И. Виктор Кривулин — поэт российского Ренессанса (1944–2001) // Новое литературное обозрение. 2004. № 4. С. 373.

³ Кривулин В. Б. Охота на мамонта. СПб., 1998. С. 7.

Вторая причина — до сих пор не определен точный объем литературного наследия Кривулина, почти отсутствуют работы текстологического и библиографического характера. В наиболее полном виде библиография творчества поэта представлена в литературной энциклопедии «Самиздат Ленинграда 1950-е–1980-е». ¹ Необходимо отметить, что все прижизненные издания Кривулина, вышедшие в России: 7 поэтических сборников («Обращение» (1990), «Концерт по заявкам» (1993), «Предграничье: Тексты 1993–1994» (1993), «Купание в Иордании» (1998), «Requiem» (1998), «Стихи юбилейного года» (2001), «Стихи после стихов» (2001)) и книга эссе «Охота на мамонта» (1998) содержат произведения постперестроечного периода.

Что касается раннего этапа творчества, то в конце 1950-х–1960-х годов отдельные поэтические тексты Кривулина остаются неопубликованными или печатаются в малотиражных машинописных изданиях, большинство из которых на сегодняшний день считаются утраченными или хранятся в личных архивах, доступ к которым для исследователей ограничен. Более того, стоит упомянуть, что все, написанное до 1970 года, по словам самого автора, ² подверглось им систематическому уничтожению. Во многом это объясняется тем, что в это время кардинально меняется отношение Кривулина к поэзии, которую он воспринимает как «бесконечный разговор, диалог, хор, соборное <...> звучание», ощущая «свою анонимность в этом хоре». ³ Стоит отметить, что в советской периодике, по данным библиографического словаря «Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги», ⁴ до 1986 года опубликованы лишь 5 его стихотворений. В связи с этим актуализируется проблема сохранения и систематизации рукописных и машинописных источников.

¹ См.: Самиздат Ленинграда 1950-е–1980-е: Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д. Я. Северюхина. М., 2003. С. 229–232.

² См.: Кривулин В. Б. Поэзия — это разговор самого языка: Интервью с В. Кулаковым. 1994 г. // Полилог. 2011. № 4. С. 107.

³ Кривулин В. Б. Поэзия — это разговор самого языка: интервью с В. Кулаковым. С. 108.

⁴ См.: Филиппов Г. В. Кривулин Виктор Борисович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 317.

На сегодняшний день нам известно о существовании 114 текстов Кривулина, написанных в период с конца 1950-х до конца 1960-х годов. Из них опубликовано 65 стихотворений: 1 — в составе сборника стихов «Книга юных» (Л., 1962), 8 — в первом томе двухтомного сборника Кривулина «Стихи» (Париж, 1988) и 56 — в составе стихотворной подборки «Стихи 60-х», включенной в 3-й выпуск журнала «АКТ: Литературный самиздат» за 2001 год, который вышел сразу после смерти поэта. Оставшиеся 49 текстов хранятся в домашних архивах: 10, записанных в блокноте 1963 года, — в архиве друга Кривулина Я. В. Василькова¹ и 39 — в архиве вдовы поэта О. Б. Кушлиной.² Согласно данным литературной энциклопедии «Самиздат Ленинграда 1950-е–1980-е»,³ несколько стихотворений Кривулина 1960-х годов были напечатаны в самиздатских машинописных коллективных изданиях этого периода, в том числе в сборнике стихов студентов филологического факультета ЛГУ «Лай» (Л., 1962) и первом номере альманаха «Звенья» (Л., 1966), а также в «Антологии советской патологии» (М., 1964), включавшей произведения московских и ленинградских неофициальных поэтов. Однако экземпляры первых двух изданий на настоящий момент считаются утраченными, а третьего — хранятся в частных архивах, доступ к которым ограничен.

Представляется, что внутренние механизмы поэтики Кривулина, образная и тематическая система его лирики, значимой частью которой является «петербургская» составляющая, сложились не в 1970-е годы, а значительно раньше, определив ход эволюции поэта. Опираясь на основные положения теории Петербургского текста, впервые детально разработанной в известной работе В. Н. Топорова «Петербург и Петербургский текст русской литературы (введение в тему)» (1984), а также на ее преломление в исследованиях последних лет, обратимся к анализу лирики Кривулина с це-

¹ Благодарим Я. В. Василькова за предоставленные материалы из его личного архива.

² Благодарим О. Б. Кушлину за предоставленные материалы из ее личного архива.

³ См.: Самиздат Ленинграда 1950-е–1980-е: Литературная энциклопедия. С. 392–393, 406, 417.

лю выявить константы Петербургского текста, проявленные в ней, и обозначить основные механизмы трансформации устойчивых субстратных элементов этого текста внутри художественной картины мира автора.

В своей работе Топоров обращается к историко-философскому анализу феномена Петербурга и структурно-семиотическому анализу Петербургского текста как вторичной по отношению к мифу моделирующей системы. Давая определение Петербургскому тексту как «устройству, с помощью которого совершается <...> пресуществование материальной реальности в духовные ценности»,¹ исследователь апеллирует к петербургской идее русской истории, рассматривая пространство города как сверхнасыщенную реальность, неотделимую от сферы символического. Текст обеспечивает существование города как целостного единства и аккумулирует идею дупольности, породившую его сотериологический миф.

Топоров также стремится выявить базовые положения, определяющие структуру Петербургского текста. Автор указывает на субстратные элементы, относящиеся как к природной, так и к материально-культурной сфере. В рамках природного выделяется климатически-метеорологический и ландшафтный аспект описания. В рамках культурно-материального — планировка, характер застройки, улицы, дома. При этом для Петербурга характерен феномен «двоевластия природы и культуры»: в пространстве города «природа тяготеет к горизонтальной плоскости, к разным видам аморфности, <...> к связи с низом (земля и вода); культура — к вертикали, четкой оформленности, прямизне, устремленности вверх (к небу, к солнцу)».² Такое противопоставление порождает в Петербургском тексте явление реального и метафизического «дальновидения», соотносимого с представлением о призрачности и прозрачности города.

¹ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: (Введение в тему) // Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. С. 7 (впервые опубликовано: Труды по знаковым системам: Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, 1984. Вып. 18.)

² Там же. С. 36.

Обозначенные особенности позволяют исследователю выявить элементы языкового кода города в сферах внутреннего состояния, природы и культуры, внутри которых он выделяет как положительный, так и отрицательный полюс, а также способы языкового кодирования общих операторов и показателей модальности, предикатов, выражения предельности, высших ценностей, имен, фамилий и элементов метаописания.

Таким образом, применяя структурно-мифологический подход, Топоров обозначает ту парадигму языковых элементов, которая может быть определенным образом трансформирована на уровне отдельного текста через выделяемый им мотив пути или выхода из центра (узости) на периферию (простор, широту) т. е. обращается к сформулированному Р. О. Якобсоном в работе «Лингвистика и поэтика» (1960) принципу проекции с оси селекции на ось комбинации.

Несмотря на детальную и многоуровневую разработку теории Петербургского текста в работе Топорова, научные дискуссии вокруг нее продолжаются. Открытым остается вопрос о границах явления, период существования которого сам автор теории определяет как 20-е годы XIX века–1-я четверть XX века. В рамках настоящей работы будет принята концепция, согласно которой эволюция Петербургского текста в постреволюционный период ведет к его перерождению в текст эмиграции, причем не только «внешней», но «внутренней», к которой по причине своего «культурного» прошлого примыкают и «поздние петербуржцы». Подобная точка зрения представлена в работе В. М. Марковича «Реанимация Петербургского текста в поэзии ленинградского андеграунда: (Середина 1950-х–конец 1980-х годов)», в которой в качестве ключевых признаков топологической близости поэзии ленинградского андеграунда и Петербургского текста выделены: общность элементов языкового кода, цитатность и тяготение к «символизации и мифологизации образов окружающего бытия».¹

¹ Маркович В. М. Реанимация Петербургского текста в поэзии ленинградского андеграунда: (Середина 1950-х–конец 1980-х годов) // Петербургский сборник: Существует ли Петербургский текст? СПб., 2005. Вып. 4. С. 356.

В первую очередь представляется необходимым рассмотреть вопрос корреляции доступных для анализа стихотворений Кривулина с «ядерным» набором языковых маркеров Петербургского текста, выделяемых Топоровым. Применение критерия наличия/отсутствия в рамках одного произведения совокупности отличительных признаков Петербургского текста на языковом уровне, а также ориентация на прямое или косвенное упоминание топонимических маркеров Петербурга позволяют выделить 22 стихотворения, принадлежащих поэтической линии Петербургского текста русской литературы. Это 12 произведений из домашнего архива О. Б. Кушлиной, 8 — опубликованных в журнале «АКТ: Литературный самиздат» (2001. № 3) и 2 — в двухтомном сборнике Кривулина «Стихи» (Париж, 1988).

Наиболее употребительные в них элементы «языкового кодирования» Петербургского текста в соответствии с классификацией Топорова и учетом семантического окружения могут быть сгруппированы следующим образом (все приводимые ниже лексемы даны в начальной грамматической форме):

Внутреннее состояние: а) отрицательное — одинокий; угрюм, голоден (как будто), нездоров; страшно, бездумно; не слышать, не видеть, устать, привыкнуться, привыкнуть; б) положительное — свобода, надежда на жизнь, ощущение жизни; дышать, выдохнуть, чувствовать единство/родство, вспоминать, услышать...

Природа: а) отрицательное — вода (холодная), река (пропитанная копотью), прибой (бессильный, медленный), волны (медные), лед, каша льда, ледышки, льдины (полугрязные), небо (пустое, безлиственное, косое), заря, свет, отсвет (металлический), воздух (спрессованный, серый, влажный, умерший), туман, дым, дождь (морозящий, мутный, косой), снег (вперемежку с песком), ветер, холод, сырость, желтизна (немая); желтый, коричневый; б) положительное — вода (зеленая), деревья, трава, солнце, воздух (широк, насыщен), влага (невская, сладкая), холодная весна...

Культура: а) отрицательное — город (болен; невесомый, брошенный на ветер); вымиранье, бессилье; война, блокада,

голод, хлеб (сыроватый); дом (грязный, новый; безлик, угрюм), тяжелые корпуса, новостройки, окраины, киоск, ларек (стеклянный), стена (заражена), комната, шкаф, буфет; окно, стекло (тусклое, дребезжащее), свет (тусклый, пыльный); коридор (темный), лестничная площадка; двор (задний, глухой), сточная канава, мостик, улицы (пустые), троллейбус, автобус; пыль, давка, городское движение; разговор, болтовня; серый, темно-синий; б) положительное — мост, сад, сквер, скверик, дворец (светлый), памятник (поэта), собор, шпиль (позолоченный), фонарь; плосчатость, далекоположенность...

Общие операторы и показатели модальности: вдруг, случайно; какой-то, все, всегда...

Предикаты: уходить, проходить, входить, выходить, спешить, протискиваться, скользить, ползти, красться; капать, стекать, литься, падать, кружиться, блуждать, катиться; качаться, трепетать, колебаться, покачнуться, застыть, съежиться; перемешаться, раствориться, расплескаться, распадаться, умереть, покинуть; пережить, вспоминать, слушать, смотреть, дышать; приоткрывать, проветривать, раскрыть, закрыть...

Способы выражения предельности: последний; бесконечный, немислим конец; таинственный, иной, смутный, невесомый, предчувствуемый звуком; незвук, лишено видения, невидим...

Высшие ценности: жизнь, ощущение жизни, смутное пятно жизни; тепло (человеческое); свобода, память; Бог, видение, откровенье; верить, поверить, любить; дышать, смотреть; сближаться, чувствовать единство/родство всего...

Элементы метаописания: тень; стекло (тусклое, дребезжащее), линзы, переливы, блики; поблескивать, отражаться, ломаться, дробиться (в отражении)...

Фамилии, имена: Пушкин, Медный всадник...

Языковые единицы, представленные в приведенных выше списках, обнаруживают лексико-тематическую связь с тем фрагментарным набором элементов «языкового кодирования», который приводит в своей работе Топоров, что позволяет говорить если не о принадлежности лирики Кривулина к Петербургскому тексту, то об определенной ориентации

на его традицию. В качестве примеров, иллюстрирующих сходство в сфере природоописания, можно привести отрывки из стихотворения «В однообразьи пасмурной погоды...», художественное пространство которого характеризуется посредством образа дождя:

на целом свете твари нет живой —
и только льется *дождь* над головой,
и льется *дождь* вокруг¹

и фрагмент стихотворения «Вечера в ноябре», в котором проводится параллель между внутренним состоянием лирического субъекта и состоянием природы. Через мотив неподвижности, тесно связанный с образом замерзающей реки, реализуется мотив умирания природы и человека:

Вечера в ноябре —
неподвижность в природе и в теле,
становление *льда на реке*²

Другое сходство между элементами языкового кода в лексико-тематических списках Топорова и в сформированных нами на материале лирики Кривулина отмечается в сфере описания культуры, иллюстрацией чему может служить отрывок из стихотворения «Заживет стена у дома...», где актуализируется мотив больного и обессиленного города:

Заживет стена у дома,
чьи обнажились кирпичи...
Но *дрогнет* город невесомый
жутче пламени свечи...³

Тем не менее можно отметить некоторые динамические сдвиги границ Петербургского текста на фоне обозначенных Топоровым, явленные на уровнях как собственно языкового кодирования, так и комбинирования исходного материала. Так, при сохранении большей части традиционных элементов очевидно смещение восприятия Кривулиным

¹ Кривулин В. Б. Стихи 60-х // АКТ: Литературный самиздат. 2001. № 3. С. 11; здесь и далее курсив мой. — Е. К.

² Там же. С. 10.

³ Кривулин В. Б. «Заживет стена у дома...» // Арх. О. Б. Кушлиной.

Петербурга–Ленинграда в сторону отрицательного полюса, что свидетельствует об актуализации темы конца истории города. При этом некоторые речевые маркеры, относимые к положительному полюсу, у Кривулина получают преимущественно отрицательные коннотации: в их числе можно указать на такие элементы, как *река* («пропитанная копотью река...»¹), *заря* («Открыта зорь немая желтизна // в плосчатость и далекоположность»²), *свет* («Столько свету вокруг — не поэтому ль ты нездорова...»³).

Лексико-семантические поля «природа» и «культура», расширяются за счет включения своеобразных авторских элементов. Здесь стоит обратить внимание на дополнение цветового спектра, представленного у Топорова *желтым* и *зеленым*. В городской лирике Кривулина *зеленый* — цвет воды — имеет положительные коннотации, за исключением тех случаев, когда он выступает в сочетании с *желтым*:

...над ним орел начищенный парил;
ломаясь и дробясь на воде *желто-зеленой*,
теряя то крылья, то головы, покрытые короной...⁴

Желтый, сохраняя традиционно отрицательные коннотации, семантически сближается в его лирике с *коричневым* — цветом утраченной чистоты:

Вариться в коричневой каше,
где снег вперемежку с песком...⁵

Вводится *серый*, служащий маркером периферийной индустриализации культуры:

Я свыкся с тем, что новые дома,
окрашенные в *серый цвет стандарта*,
всегда безлики и угрюмы, как тюрьма⁶

¹ Кривулин В. Б. «Покуда спазмы для пережитого...» // Арх. О. Б. Кушлиной.

² Кривулин В. Б. «Открыта зорь немая желтизна...» // Там же.

³ Кривулин В. Б. Иностранке. Ленинградская весна // Там же.

⁴ Кривулин В. Б. Мостик, ведущий к Петропавловской крепости // Там же.

⁵ Кривулин В. Б. «Вариться в коричневой каше...» // Там же.

⁶ Кривулин В. Б. Архитектура // Там же.

На смысловом уровне с ним сближается *синий* — цвет толпы:

Тогда я вышел из дому под вечер,
зашел в троллейбус, пахнущий резиной
и был железной кассой облечен
и был подхвачен *давкой темно-синей*¹

При этом серый и синий соотносятся с образом Ленинграда — города, который, потеряв статус культурной столицы и академического центра, уподобился унифицированной советской провинции.

Еще одной особенностью художественного языка Кривулина как поэта Ленинградского андеграунда становится замена историзмов культурно эквивалентными лексемами и расширение перечня элементов описания культуры. Так, *трактиры*, выделяемые Топоровым, функционально соотносятся у поэта с пивными *ларьками* и *киосками* («Спросить жигулевского пива // в стеклянном ларьке на углу...»²), также вводятся такие лексемы, как *троллейбус* и *автобус*. Общественный транспорт при этом становится местом толкотни, давки: «протискивается в троллейбус, // серебряной медью звеня...»³

В рамках поля культуры необходимо также отметить появление таких частотных лексем, как *война*, *блокада*, *голод*, *хлеб*, «кодирующих» уже Ленинградский текст и отсылающих к теме гибели города. Стоит отметить, что Кривулин, родившийся в 1944 году, в отличие от своих родителей (отца — комиссара штаба стрелковой дивизии и матери, служившей в медсанбате), впервые увидел Ленинград уже после войны. В одной из автобиографий поэта сказано: «В 1947 году мои родители вернулись в Ленинград, хотя после того, как они пережили блокаду, с Питером у них были связаны самые мрачные впечатления, и, если бы не моя болезнь, вряд ли бы отец мой <...> согласился вновь поселиться в огромной, перенаселенной, запущенной коммуналке...»⁴

¹ Кривулин В. Б. Архитектура.

² Кривулин В. Б. «Вариться в коричневой каше...».

³ Там же.

⁴ Цит. по: Филиппов Г. В. Кривулин Виктор Борисович. С. 316.

В ранней лирике Кривулина с темой блокады связаны мотивы духовной и физической гибели человека и культуры, представленной через архитектурные образы города, что может быть рассмотрено на примере стихотворения «Прошла война и кончилась блокада...»:

Прошла война и кончилась блокада,
И скверики разбиты на местах,
где до войны *дома, обычные с фасада*,
где люди, обитавшие в домах
таинственной породы существа
кто с голоду, кто сдуру, кто с бомбежки...¹

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что вектор внутренней по отношению к лирическому субъекту реконструкции довоенного и военного прошлого направлен от внешнего к внутреннему. Такой эффект достигается благодаря приему градации: «дома, обычные с фасада» — «люди, обитавшие в домах» — «таинственной породы существа». Последняя строка приводимого фрагмента представляет собой фигуру умолчания, что как бы подводит к *мотиву смерти*, но оставляет его неэксплицированным.

Необходимо отметить редуцирование в лирике Кривулина элементов языкового кодирования в категориях «внутреннее состояние», «предикаты» и «элементы метаописания». В первых двух случаях это объясняется ограниченным объемом рассматриваемого материала и имплицитным характером отдельных элементов, коррелирующих с предложенными Топоровым в плане содержания, но не совпадающих в плане выражения. Третий случай требует более подробного рассмотрения. Предложенный Топоровым список элементов метаописания основывается на ключевых особенностях пространства Петербурга — призрачности и театральности, связанной с оппозицией «сценическое» — «закулисное» как «парадное» и «непарадное». В лирике Кривулина претерпевает изменение ценностное соотношение «сцены» и «закулисья» как центра и периферии города. Историческая часть

¹ Кривулин В. Б. «Прошла война и кончилась блокада...» // Арх. О. Б. Кушлиной.

в восприятии лирического субъекта подвергается постепенному разрушению, что уменьшает значимость этого элемента противопоставления и нивелирует принцип бинарности, на котором строится представление о театральности. Показательно здесь стихотворение Кривулина «Архитектура»:

Я свыкся с тем, что новые дома,
окрашенные в серый цвет стандарта,
всегда безлики и угрюмы, как тюрьма
я свыкся с тем, что городская карта
почти на половину состоит
из новостроек, одинаковых на вид,
что серый стиль общественных окраин
крадется к центру задними дворами
и даже умудрился кое-где
нахально присоседится к Неве.
Я свыкся даже с тем, что сносят зданья
начала XIX века,
не все ль равно — канал, фонарь, аптека¹
колеблются на грани вымиранья.
Я ко всему привык, постыло мне
писать стихи о Петроградской стороне.
Тогда я вышел из дому под вечер,
зашел в троллейбус, пахнувший резиной
и был железной кассой облечен
и был подхвачен давкой тёмно-синей.
Я стал обыкновенным пассажиром
и глядя в дребезжащее стекло
увидел город, обозначенный пунктиром,
огни окраин милых, тяжело
раскачиваясь, мимо проплывали
прямые аккуратные строенья,
подобья рваных строф стихотворенья <...>²

¹ Здесь можно обнаружить реминисценцию стихотворения А. А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (1912), отсылающую к более раннему фрагменту Петербургского текста русской литературы и тем самым способствующую созданию внутренней связи. Роль этого приема в рамках конкретного художественного целого может быть интерпретирована двояко: с одной стороны, обращение к одному из хрестоматийных текстов символизма служит усилению ощущения катастрофы, краха культуры не только золотого, но и серебряного века; с другой — указывает на разрушение пространства «Страшного мира» А. А. Блока.

² Кривулин В. Б. Архитектура.

Лирический сюжет этого стихотворения организован вокруг мотива, выделяемого Топоровым в качестве ключевого для Петербургского текста: «пути из центра, середины <...> на периферию — на простор, широту...»,¹ т. е. на движении лирического субъекта из исторической части города (Петроградской стороны) на его окраину. При этом семантическое поле, связанное с изображением «сценического» пространства бывшего имперского Петербурга маркировано *мотивами разрушения, умирания*, а «закулисного» пространства серых окраин Ленинграда — мотивами вытеснения, поглощения пространства. Если на первый взгляд кажется, что центр (Петербург), с точки зрения лирического субъекта, ценностно стоит выше безликого, сопоставимого с тюремным, пространства периферии (Ленинграда),² то при детальном рассмотрении обнаруживается, что творческий потенциал первого уже исчерпан («Я ко всему привык, постыло мне // писать стихи о Петроградской стороне...»), в то время как второго — только открыт («...мимо проплывали // прямые³ аккуратные строенья // подобья рваных строф стихотворенья»). Таким образом, разрушение «сценического» Петербурга и вытеснение его заново структурированным пространством «закулисы» ведет к трансформации построенной на принципе «театральности» картины мира.

Одновременно с этим в ранней лирике Кривулина актуализируется метаописательный комплекс, связанный с представлениями о призрачности Петербурга, соответствующий таким лексическим единицам, как *тень, стекло, линза, переливы, блики; поблескивать, отражаться*:

Не двигая отяжелевшим зрачком, не шевелясь, в упор
смотреть на огонь, на воду в реке, на мутный дождь по стеклу...⁴

¹ Топоров В. Н. Петербург и Петербургский текст русской литературы. С. 62.

² Немаловажную роль здесь играет предикат внутреннего состояния лирического героя «свыкнуться», имеющий семантический оттенок неизбежности, вынужденности, невозможности повлиять на ход истории.

³ Стремление к «вертикали, четкой оформленности, прямизне, устремленности вверх» также маркирует петербургскую культуру (см: Топоров В. Н. Петербург и Петербургский текст русской литературы. С. 36).

⁴ Кривулин В. Б. «Не двигая отяжелевшим зрачком, не шевелясь, в упор...» // Стихи 60-х. С. 11.

Это, в свою очередь, связано с особенностью восприятия современного состояния мира, трактуемого поэтом как прева-лирование хаотического начала над космическим. «Натиск» эсхатологических сил выражается в преобладании аморфности над структурированностью, превращении границ видимого, слышимого и осязаемого в «пунктир». Ключевую роль здесь играет проблема определения пространственной точки зрения лирического субъекта. Как правило, он смотрит на мир через стекло, изменяющее зрительное восприятие, или направляет взгляд на поверхность воды (зеркала), искажающей отражаемые в ней объекты.

Наконец, нельзя не отметить, что из ключевых для Петербургского текста имен и фамилий в ранней лирике Кривулина упоминается только одно — Пушкин.¹ Он «фигурирует» в двух ипостасях: как автор «Медного всадника» и как бронзовый кумир: в обоих случаях имеет место десакрализация фигуры «вечно живого классика». В стихотворении «Покуда спазмы для пережитого...» она происходит за счет установления аналогии между личностью лирического субъекта, реконструирующего в памяти образ блокадного города, и личностью Пушкина:

Тогда я вспоминаю, что война
была недавно: саночки на льду,
ведро воды в сорок втором году,
живая каша льда у края кружки, —
об этом написал недавно Пушкин
свой «Медный всадник»...²

Особое внимание привлекает повтор наречия «недавно», подчеркивающий образный параллелизм и также способствующий сближению двух исторических катастроф (блокады и наводнения) на хронологической оси и их ценностно-му отождествлению. В стихотворениях «Пути трамвайные

¹ Подробнее о Пушкине в поэзии Кривулина см.: *Маркович В. М.* Пушкин как персонаж лирической поэзии «ленинградского андеграунда» // *Analysieren als Deuten: Wolf Schmid zum 60. Geburtstag.* Hamburg, 2004. С. 680–687.

² *Кривулин В. Б.* «Покуда спазмы для пережитого...» // *Арх. О. Б. Кушлиной.*

голубоватой стали...» и «Время» — за счет традиционных для Петербургского текста оппозиций культура — природа и искусственное — естественное, в системе которых образы памятника и лирического субъекта, чувствующего «...единство и родство // всего, что на земле произошло»,¹ полярны по отношению друг к другу.

Таким образом, анализ способов языкового кодирования городского текста в ранней лирике Кривулина позволил отметить высокий коэффициент совпадения с традиционной парадигмой элементов Петербургского текста. Вместе с тем лексический состав некоторых семантических полей в городской лирике поэта претерпел существенные изменения. Так, ряд элементов языкового кодирования Петербургского текста у Кривулина приобрел отрицательные коннотации, в то время как в классификации Топорова они были отнесены к положительному полюсу. Границы поля культуры были расширены за счет включения в его состав наименования новых, типично ленинградских культурных реалий и дополнительных элементов цветового кода города, а границы поля элементов метаописания, наоборот, сужены из-за перестановки частей в иерархической оппозиции центр — периферия, приведшей к разрушению принципа театральности.

Такая работа с парадигматической структурой городского текста Кривулина доказывает факт сознательной ориентации поэта на традицию Петербургского текста русской литературы, что позволяет в дальнейшем обратиться к более подробному анализу идейно-смыслового уровня, выявить ключевые для Петербургского текста мотивы и категории, а также определить его смысловую доминанту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арьев А. Ю.* Свидание после развода // Новый мир. 1996. № 1. С. 220–226.
2. *Иванов Б. И.* Виктор Кривулин — поэт российского Ренессанса (1944–2001) // Новое литературное обозрение. 2004. № 4. С. 270–285.

¹ *Кривулин В. Б.* Время // Там же.

3. *Маркович В. М.* Реанимация Петербургского текста в поэзии ленинградского андеграунда: (Середина 1950-х–конец 1980-х годов) // Петербургский сборник: Существует ли Петербургский текст? СПб., 2005. Вып. 4. С. 348–369.
4. *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: (Введение в тему) // Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. С. 7–118.
5. *Филиппов Г. В.* Кривулин Виктор Борисович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 316–317.

REFERENCES

1. *Ar'ev A. U.* Svidanie posle razvoda // Novyj mir. 1996. № 1. P. 220–226. (In Russ.)
2. *Filippov G. V.* Krivulin Viktor Borisovich // Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: biobibliograficheskiy slovar': V 3 t. M., 2005. T. 2. P. 316–317. (In Russ.)
3. *Ivanov B. I.* Viktor Krivulin — poet rossijskogo Renessansa (1944–2001) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. № 4. P. 270–285.
4. *Markovich V. M.* Reanimaciya Peterburgskogo teksta v poezii leningradskogo andegraunda (Seredina 1950s–konec 1980s godov) // Peterburgskij sbornik: Sushchestvuet li Peterburgskij tekst? SPb., 2005. I. 4. S. 348–369. (In Russ.)
5. *Toporov V. N.* Peterburg i “Peterburgskij tekst russkoj literatury”: (Vvedenie v temu) // Toporov V. N. Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy. SPb., 2003. S. 7–118. (In Russ.)